

1

40
34
Ольга Равича

Дорогой товарищ Сталин,

14.8. я послал Вам отчеты о положении в БМИ и Иностранном отделе "Известий". В виду того, что с тех пор имели место новые факты общего характера /письмо МК./, а также непосредственно касающиеся меня /фактическое прекращение моей литературной деятельности, резолюция партийной организации "Известий", не считая, чтобы моя публичная деятельность могла возбудить какие-либо сомнения и думая, стало быть, что эти сомнения может быть порождены моими встречами на протяжении всех этих лет с отдельными из бывших оппозиционеров, считаю целесообразным охарактеризовать их со всеми подробностями каждую из этих встреч и все связанное с ними.

В 1929 г. после ^{моего} возвращения в Москву и перед ^{моим} отъездом в Воронеж через мою квартиру проходили десятки нерозоружившихся оппозиционеров, в первую очередь из нелегальных заводских кружков. В отыскании их помогали мне товарищи, выступавшие как бывшие оппозиционеры, о которых я был убежден, что они секретные сотрудники ОГПУ, перед которым такие многолюдные собрания не могли ~~обставаться~~ скрываться. Часть посетивших меня шла позже в Контрольную Комиссию подавать заявления и если проверить списки отходивших тогда от оппозиции в Москве, то можно установить, кто это был. Когда волна возвращавшихся из ссылки нахлынула на Москву, мне приходилось ходить в ОГПУ и ЦК по устройству их. В конце 29 г. ЦК предложил мне выехать на несколько месяцев в Воронеж для того, чтобы ~~возвращавшиеся~~ перестали ко мне обращаться с просьбами о ходатайствах и чтобы я, таким образом не стал, вопреки своему желанию, каким то средостением между ними и партией. Я уехал в Воронеж. Там в Воронеже из бывших оппозиционеров встречал Ольгу Равич, с которой у меня было очень мало отношений и тов. Саркиса, энтузиазм которого на работе был для меня примером.

Когда я вернулся в Москву в апреле 30 г. для меня стало очевидным, что в интересах рассосания возвратившихся в партию оппозиционеров, надо свести до минимума сношения с ними. Поэтому я и сам перестал бывать у Смилги и Преображенского, с которыми был в прошлом связан многолетней дружбой и указывал другим, что ~~жизненно~~ чтобы залечить внутреннее отчуждение, происшедшее за годы отрыва от партии и партийной общественности, ^{надо} перестать вариться в старом соку ^о оппозиционеров. Не ходил ни к кому другому и не приглашал никого к себе. Но я считал, что ~~жизненно~~

не могу никому запретить забежать ко мне. Причина такого взгляда была следующая: мне тогда приходилось писать **не** общепартийным вопросам, писать против Троцкого, и я считал, что влияние этих статей зависит от убеждения читателя, что надо мной не довлеет никакое принуждение, хотя бы недоверия. Я считал неудобным, не для своего честолюбия, а в интересах партии, говорить кому бы ни было: не заходите ко мне, ибо меня могут заподозрить.

В это время заходили ко мне из москвичей

Смилга
Преображенский
Альский
Робинзон
Блисковицкий Ной
Мирра Сохновская

С чем они приходили ко мне. Смилга и Преображенский, приходя ко мне вели разговоры на общепартийные и политические темы, причем у Преображенского я обнаруживал полное со мной единодушие в оценке правильности генеральной линии и ее перспектив. Смилга никогда в разговорах со мною не оспаривал генеральной линии, но боялся срывов и затруднений в области колхозов. Альский, Робинзон, Блисковицкий в первую очередь говорили о затруднениях в области **своей хозяйственной** работы. И им наиболее лично доверял, именно потому, что они не говорили общих елейных речей, а горевали над всякими затруднениями и напрягали энергию, чтобы преодолеть затруднения. Часто я Смилге, по-барски жалующемуся на трудности, вытекающие из подчиненного его положения, указывал на их пример. О Мирре Сахновской, военном работнике, могу только сказать, что она проявила себя такой, какой я ее знаю с 18-го года. Работала не умничая, делила радости и горести партии.

Из людей, упоминаемых в Коммюнике прокуратуры или в письме МК., я должен остановиться на четырех лицах: Мрачковском, бывшем нациве Гаевском, Дрейцере и Эстермане. Мрачковского я в прошлом знал мало, во время ссылки мало или вообще не переписывался. Когда вернулся из ссылки, я с разрешения ЦКК поехал к нему в Воронеж. Я предложил эту поездку не только потому, что хотел помочь спасти эту когда-то боевую фигуру, но прежде всего потому что считал при его складе ума его разоружение нужным для партии. Мне тогда представлялось, что я его сильно поколебал, но не сумел до конца убедить, что партия во всем права. И он еще одно время тянул. За время от момента его возвращения в партию и до его ареста у нас не было никакой переписки, я очень мало о нем знал, но забегал он ко мне за все эти года раза 2 или три, звонил чаще, но не находил. Был у меня когда вернулся из санатория в Сибири и брался за трассировку железной дороги, был после снятия его с Сибири и еще раз, приехав с Балхашстроя. Говорил он мало об отношении к партии, презрительно о Троцком, жаловался на трудности

в работе и чем он дышал ^я не знал.

Гаевский, зарекомендовал себя в моих глазах в то время тем, что усиленно боролся в Тобольском изоляторе за возвращение в партию. В изоляторе доходило почти до рукопашного боя между "возвращенцами" и "невозвращенцами". На него, по имевшимся тогда слухам, наиболее подействовало в смысле поворота его лицом к партии, когда он узнал, что Троцкий, в последней, им в тюрьме уже узнанной, тайной директиве, брал курс на гражданскую войну. Назначенный замдиректором завода качественной стали в Богородске, он пригласил меня посетить завод. Я это сделал вместе с женой. Вынесли мы тогда впечатление о полной преданности его работе. Второй раз видел его значительно позже, когда на новой работе, кажется в Московской промкооперации, ему какая-то группа выдвигала против него упреки чуть-ли не уголовного характера. Во время этой драки пришла сначала его жена и сказала мне, что в травле его пользуются фактом, что она генеральская дочь, хотя девчонкой еще осталась сиротой, бросила дом и занималась физическим трудом еще до революции. Она говорила, что чтобы облегчить его положение, она хочет разойтись с ним и уйти куда глаза глядят. Я имел впечатление, что это кончится самоубийством. Я успоил ее, и сказал ей, чтобы он зашел ко мне. Он пришел ко мне довольно поздно вечером, я допросил его об деле, и советовал обратиться непосредственно к Товарищу Кагановичу. Когда он ушел какой-то взволнованный голос спросил по телефону у меня - ли он. Я подумал, что жена покончила самоубийством, позвонил к нему на дом, спросил у ней и, назвав свою фамилию, узнал от товарищей из Оперода, что она жива и что он арестован. Через два года, отпущенный досрочно из тюрьмы, он известил меня, что был арестован по подозрению в принадлежности к группе И. Н. Смирнова. На следствии он заявил, по его словам, что никаких связей с И. Н. Смирновым не имел и что не верит в существование такой группы. По пути в Суздаль, куда ехал одновременно со Смирновым, И. Н. Смирнов якобы тоже полностью отрицал существование такой группы. Но, заявил мне Гаевский, в тюрьме он убедился в существовании такой группы и сказал об этом следователю. Одновременно один из арестованных организаторов группы Смирнова ^{якобы} тоже показал, что Гаевский не имел с ними ничего общего и он Гаевский ^{досрочно} был освобожден. Повторяю, все это говорю с его слов. Выпущенный из тюрьмы лежал в больнице /туберкулез горла/ затем получив работу при содействии ЦКК, он уехал в Ревду, там перетерпел автомобильную катастрофу, что ухудшило его состояние, в конце 35 г. приехал в Москву лечиться и умер в больнице в начале 36 г. Я его за все это время ни разу не видел.

Дрейцер, может раз, может два, думаю, что раз забегал ко мне со своим подручным Эстерманом, в 30 или 31 г. Дрейцер делал впечатление человека

очень увлекавшегося хозяйственной работой. Эстерман, работавший в кожевенной промышленности и заказывавший мне какие то особенные ботинки в какой-то артели, очень остроумный талмудист, балагурил больше, сделал на меня нехорошее впечатление человека, уходящего в какие-то завхозовские делишки. Я уплатил за ботинки и больше с ним не встречался.

И.Н.Смирнов~~а~~ никогда ко мне не заходил. При случайных встречах обменивались несколькими словами. С Зиновьевым ~~нехвещевых~~ и Каменевым не встречался. Перед первым его арестом он забежал ко мне за какой-то книгой, после возвращения из ссылки зашел ко мне, встретил у меня Бухарина и Осинского / у нас было совещание вскоре после назначения т.Бухарина редактором, ~~я~~ а я лежал больной дома. Зиновьев пел так отвратительно елейные гимны о тов. Сталине, что я ему не верил. Сафарова встречал очень редко / один раз помню по вопросу о вступлении в книгу Орчарда, которую я редактировал. После убийства товарища Кирова он определил это злодеяние как акт какой-то фашистски переродившейся, скрытой в партии группы. Это было за день или два до его ареста, но когда он эту фразу употребил, я принял ее за чисто социологическую, а не за конкретный намек. Я никогда не скрывал этих посещений. После большого потрясения, вызванного одновременным арестом Преображенского, Блисковицкого, Робинзона, я, хотя был убежден в их невиновности, о чем дальше, чувствовал себя очень стесненным этими посещениями, выключал по возможности телефон, жена подходя к телефону, говорила что меня дома нет. Старался в дальнейшем по возможности больше жить на даче, чтобы избежать таких посещений.

О том, что считал арест Преображенского, Робинзона, Блисковицкого, Гаевского ошибочным, я писал Вам, товарищ Сталин, в письме в защиту Преображенского. Мое убеждение опиралось на знакомство с той идейной борьбой, в которой произошел отход названных лиц от оппозиции, их возвращение в партию и на их отношение к социалистическому строительству, как оно мне ~~так~~ рисовалось. Поэтому я послал книги /Логика Гегеля, которой нельзя было купить в Москве по немецки и др. / находящимся в изоляторе Блисковицкому и Кажетса Робинзону, находившемуся в ссылке. Когда Альский, вторично был исключен из партии, вторично тяжело заболел, был почти парализован, я, глубоко веря в его честность по отношению к партии, одолжил ему несколько сот рублей, которые он мне, получив работу, вернул из Карабугаза, почтовым переводом не то в начале этого года, не то в конце 35 г. Когда Гаевский сидел /33-34 гг./ и его ребенок, тяжело больной туберкулезом костей, был в жизненной опасности, жена моя, член партии Ф.М.Радек давала жене Гаевско

200 рб. в месяц на оплату ~~ржд~~ лечения ребенка в костно-туберкулезном санатории Изоргина в Крыму. Что эти деньги пошли только на оплату лечения, не подлежит никакому сомнению, ибо жена Гаевского, работая сестрой в больнице, брала два дежурства подряд, чтобы иметь возможность прокормить второго ребенка и мать, а туберкулезный ребенок лечился и лечение его оплачивалось вышеуказанной суммой, как это можно точно проверить. Я о посылке этих денег не знал, но заявляю, что если бы жена мне ~~эти~~ сказала об этом, я не возражал бы.

Это вытекало из моей оценки той группы бывших оппозиционеров, Робинзона, Альского, Блисковицкого, Гаевского, которые или вернулись совместно со мною в партию, или вернувшись отдельно от меня, по моему тогдашнему убеждению решительно порвали с троцкизмом и встали на партийные позиции. Я радовался когда работа у них спорилась и болел когда они встречали недоверие из за своего прошлого. Когда они были арестованы я считал, что им надо оказать моральную поддержку /посылка книг/, чтобы они выдержали испытание, не потеряли веры в партию, боролись за возвращение в ее ряды. Я был убежден, что этим помогаю не оппозиции и контрреволюции, а партии и революции.

До 18-го ^{вечером} этого месяца, я считал, что меня знание этих людей не обмануло. При слушании беглого чтения большого письма на собрании, я прослушал фамилию Гаевского. Когда жена, вернувшись с партийного собрания, с волнением сказала мне, что фамилия Гаевский упоминается среди тех, кто подготовлял террор, я был потрясен. Если действительно дело идет о Д.С. Гаевском, то я ужасающе ошибался.

Незачем мне повторять, что не имел никакого понятия о существовании террористической организации троцкистов-зиновьевцев, хотя уже в ссылке мне было ясно, что из тех настроений, в которых жила часть ссылки, может вырасти такое преступление. Среди тех бывших оппозиционеров, которых я встречал после возвращения в партию, не ища этих встреч, я не встречал людей, которые проявляли бы настроения, высказывали бы мысли, делали бы намеки, позволяющие допустить ~~мысли~~ хотя бы, что мысль их клонится к борьбе с партией, и тем более к убийству вождей международного пролетариата.

Подводя итоги всем этим встречам могу сказать: на протяжении семи этих лет я имел немногочисленные встречи с отдельными оппозиционерами, возбуждавшими тогда во мне партийное доверие и поставленных партией на ответственные посты. При всех этих редких встречах моим неизменным старанием было

поселить и укрепить в них партийное сознание. Сам я лично не только этих встреч не искал, но наоборот, в пределах возможности всячески их избегал и по политическим соображениям и потому, что до отказа был поглощен своей работой. Единственной моей виной было то, что в тех единичных и вполне определенных случаях, когда я отдельным из бывших оппозиционеров оказывал помощь /Н. Блисковицкому и Робинзону книгами, Альскому одолжением денег во время болезни/ я, хотя разумеется не скрывал этого, все же не извещал об этом формально соответствующих инстанций.

Я убежден, что не только моя служебная, публицистическая и партийная деятельность, но также и то, что относится к моим личным сношениям, не дадут оснований к недоверию ко мне, к моей, опирающейся на глубокое убеждение, преданности партии, ее линии и ее руководству.

С сердечным приветом

К. Радек.

Москва 19.8.36